

болуп калды.

УДК:94:94(5)

Игамбердиев Б.А.

БГУ им. К.Тыныстанова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕРЕДОВЫХ СТРАН КАК ПРИМЕР ДЛЯ КЫРГЫЗСТАНА

Данная статья рассматривает историю развития передовых стран и демонстрирует степень отличия той политики, что проводилась странами Европы, Америки, Юго-Восточной Азии для экономического развития с советами, даваемыми развивающимся странам. Важность государственной политики, направленной на развитие инноваций, синергетических эффектов в экономике и выраженной в протекционизме по отношению к экспортно-ориентированной индустрии, ярко демонстрируется в статье.

«...Читатель должен решить для себя, хочет ли он иметь простые ответы на свои вопросы, или полезные - по этим, как и по другим экономическим аспектам, он не может иметь и того, и другого вместе» (Джозеф Алоиз Шумпетер, австрийско-американский экономист, 1932).

Европейцы давно заметили, что благосостояние формируется там, где сельское хозяйство отсутствует или играет незначительную роль, в результате чего появляется побочный продукт в виде больших городов с диверсифицированным производством. Так, Антонио Сьерра в своем *Breve Trattato* ("Короткий трактат") в 1613 году, находясь в тюрьме Неаполя, пишет о причинах бедности родного города Неаполя, обладающего богатством природных ресурсов, в отличие от Венеции, построенной на болотах и находящейся в центре мировой экономики. И причину богатства венецианцев он находил в невозможности возделывания земель, подобно неаполитанцам, и, как следствие, необходимости полагаться на диверсифицированную индустрию для выживания. И это дало экономику масштаба (increasing returns to scale), межотраслевую синергию.

Парадоксально, но бедность в природных ресурсах может играть ключевую роль в улучшении благосостояния государства. А посему можно сделать вывод: не следует объяснять экономическую отсталость Кыргызстана, богатого на множество полезных ископаемых, земельные и водные ресурсы, ресурсной необеспеченностью. Просто необходимо избрать соответствующую экономическую стратегию, способствующую созданию соответствующих институциональных рамок.

И сущностью данной стратегии является повышенная роль государства в экономической деятельности, направленная на создание диверсифицированной высокотехнологичной экономики. В число необходимых мер входит протекционизм, предполагающий защиту и стимулирование определенных, наиболее передовых секторов экономики и эмуляция, происходящая от английского *Emulation*- 1) старание (усилие) сравняться или превзойти кого-либо в каких-либо достижениях или качествах; 2) подражание (примеру).

Если города-государства Европы, такие как Венеция или Флоренция, были успешны благодаря хорошему развитию ремесла, то впоследствии одна из наиболее передовых стран мира в течение многих столетий - Англия после 1485 года, в период правления короля Генриха VII, эмулировала тройную структуру ренты, создаваемую в бедных природными ресурсами городах-государствах Европы и через сильнейшую экономическую интервенцию создала свою систему тройной ренты в виде производства, внешней торговли и ренты на сырье. И это, в свою очередь, привело к постепенному упадку городов-государств и обусловило развитие национальных государств, поскольку синергетические эффекты городов-государств были расширены до больших географических масштабов.

В число основных инструментов, применяемых королем Генрихом VII, входили экспортные пошлины на сырье, обусловившие удорожание конечной продукции иностранного производителя, импортные пошлины на конечную продукцию, гарантия налоговых «каникул» (или освобождение от налогов) для новых производителей с правом монополизма на фиксированный период времени на определенной территории. Так же использовалась политика привлечения ремесленников и предпринимателей из-за рубежа, в частности, из Италии и Голландии. Следование данной

стратегии приводило к расширению рабочих мест, доходов, повышению заработной платы, расширенной налогооблагаемой базе, более быстрой циркуляции денег. С ростом производительности росли и размеры налогообложения.

Отсюда выходит, что расхожее мнение о причинах богатства Англии как результате осуществления политики «невидимой руки рынка» и свободной торговли противоречит результатам исследований специалистов в истории экономики. Так, несмотря на то что книга Адама Смита «Богатство наций» провозглашает необходимость открытия Англии для свободной торговли, история свидетельствует, что в действительности Англия собирала больше таможенных сборов в первую сотню лет после выхода в свет книги Смита, чем Франция, которую считают бастионом протекционизма.

Подтверждающее мнение можно встретить и у Уиллиама Ашуорфа, свидетельствующего, что «если и был какой-то сугубо Английский/Британский путь индустриализации, то это была менее выраженная предпринимательская и техноцентрическая культура, чем это бывает в определенных институциональных рамках, защищенная акцизами и стеной тарифов».

Порою, в целях защиты собственного производителя, Англия предпринимала чрезвычайно агрессивные меры по отношению к другим государствам. Так, в 1695 году Джон Кэри, член парламента Великобритании и один из выдающихся политических деятелей того времени, говорит о необходимости скупки всей шерсти Испании для подавления конкуренции со стороны Флоренции. При этом излишки импорта он предлагает сжигать, подобно тому как поступали с излишками специи для соленья сельди в Нидерландах. В этом же ряду лежит и подавление ирландского экспорта шерстяной ткани посредством военной блокады страны, находившейся в составе Британской короны. Причем это было осуществлено, несмотря на то что Ирландия была тем самым обречена на обнищание.

Свидетельством слабости политики, противоположной по своему характеру политике британской, является успех Испании: открытие Америки привело к значительному притоку золота и серебра в Испанию. Но все это богатство не было инвестировано в производственную сферу и привело к деиндустриализации страны. Землевладельцы получали значительные прибыли от «выкачивания» золота из Америки, поскольку имели монополию на экспорт масла и вина на растущий рынок Нового Света. Поставка данных товаров неэластична и определяется возрастающими издержками (возрастание спроса приводит к росту цены). При этом знать, владеющая землей, была освобождена от большинства налогов. Соответственно, основная часть налогового бремени легла на ремесленников и промышленников, чья конкурентоспособность уже была подорвана быстрым ростом цен продукции сельского хозяйства. Это привело к потере ремесла как вида деятельности, а также сопутствующих ему синергетических эффектов и разделению труда в испанских городах и полнейшей деиндустриализации к концу шестнадцатого века, от которой страна смогла оправиться только в веке девятнадцатом. (Данный пример невольно порождает параллель с реалиями Кыргызстана: в нашей республике так же в течение нескольких лет была утеряна практически вся производственная база, на восстановление которой могут теперь потребоваться десятилетия). В то время как успешные страны поддерживали промышленный сектор, неуспешная Испания защищала от иностранной конкуренции сельское хозяйство, ценой чему явилась потеря промышленности.

Экономисты Джованни Ботеро, Томаззо Кампанелла (1602), Антонио Дженовеси (1750-е) в Италии, Джеронимо де Узтариц (1724-1751) в Испании и Андерс Берч (1747) в Швеции признают, что «истинная золотая жила- это производственная индустрия», а не золото Новой Испании или Перу. Итальянский экономист Фердинандо Галлиани выражает свое мнение об индустрии еще смелее: «производство способно излечить две величайшие болезни человечества- высокомерие и рабство». С этим трудно не согласиться, так же как и с французским госсекретарем и политическим писателем Алексисом де Токвилем (1805-1859): «Я не знаю, может ли кто-либо назвать хоть одну производственную и коммерческую нацию, начиная от тирийцев и заканчивая флорентийцами и англичанами, которая не была бы свободной. Поэтому существует теснейшая связь между этими двумя вещами: свободой и промышленностью».

Остается только сожалеть, что для Кыргызстана, наряду с другими странами выбравшего свободу и независимость в 1991 году, в пылу риторики о демократии и независимости сей исторический опыт остался незамеченным. Тем самым и сама независимость была поставлена под угрозу.

Здесь наблюдается разительное отличие с политикой Соединенных Штатов Америки периода обретения независимости: политика индустриализации в США - колонии Англии на тот

момент - проводилась наперекор запрету со стороны самой Англии. И, как следствие, важной причиной войны за независимость в 1776 году стало то, что Англия воспрещала Американской колонии иметь свою индустрию, за исключением производства дегтя и мачт, в которых нуждалась она сама.

Адам Смит, чье «Богатство наций» вышло в свет в период Американской революции, отражает имперское мнение того периода, подчеркивая, что протекционизм по отношению к промышленности в Соединенных Штатах стал бы серьезной ошибкой. Следует отметить, что в той же самой книге (безусловно, что в другой ее части) Адам Смит провозглашает, что только нации со своим производственным сектором могут побеждать в войнах.

Александр Гамильтон, первый председатель казначейства США, читал Адама Смита и разумно строил индустриальную и коммерческую политику США на опытно-обоснованном Смитовом заявлении о победе индустриальных наций в войнах, а не на теоретическом требовании о свободной торговле.

Но, как ни любопытно, в прагматичных Соединенных Штатах впоследствии прижились обе доктрины. Свидетельство тому можно найти у Э.Рейнерта: «С момента основания США были противоречия между двумя традициями: активистской политикой Александра Гамильтона (1755-1804) и максимой Томаса Джефферсона (1743-1826), гласящей: «правительство, которое правит меньше всего, правит лучше всего». Александр Гамильтон был ключевой фигурой в основании первого центрального банка США в 1791 году, тогда как Томас Джефферсон был против этого и способствовал его закрытию в 1811. Время и американский прагматизм разрешили противоречие, поставив сторонников Джефферсона на службу риторике, а идеи Гамильтона на службу политике. Сегодня теоретики экономики несут важную службу, генерируя Джефферсонову/Рикардову риторику, которая, как указывает Пол Кругман, не имеет влияния на внутреннем рынке».

Вышесказанная цитата четко демонстрирует мнение автора о различиях в принципах внутренней и внешней экономической политики в США. И это мнение подтверждается фактами повсеместно. В некоторой мере мы рассмотрели идеи, исторически сформировавшиеся и применявшиеся в континентальной Европе (Другой Канон). Для лучшего восприятия различий предлагаем провести параллель между «Другим Каноном» и господствовавшей в последнее время теорией.

Эволюция двух различных подходов. За отправную точку в нашем сравнении возьмем «теорию сравнительных преимуществ» Давида Рикардо, проистекающую из «трудочасов» А.Смита. Ее сущность в том, что каждой нации предлагается специализироваться на «сравнительных преимуществах», т.е. на том, в чем она относительно эффективна по сравнению с другой нацией. Данная торговая теория, как подчеркивает Э.Рейнерт, создает возможность для нации специализироваться на «сравнительном преимуществе» быть бедным и несведущим. Это происходит потому, что эта торговая теория, составляющая базис современного экономического порядка, обосновывается на обмене трудовыми часами, лишенными каких бы то ни было качественных характеристик, между нациями, в системе, где отсутствует производство. Торговая теория Рикардо приравнивает один час работы в условиях Каменного Века к одному часу работы в Силиконовой Долине, поэтому предопределяет экономическую гармонию и выравнивание заработных плат в результате интеграции двух типов экономических формаций.

Данная теория все больше основывается на метафорах из физики, где равновесная цена выдерживается на рынке подобно тому, как «невидимая рука» удерживает Землю в ее орбите вокруг Солнца, в отличие от параллельной ей, основывающейся на метафорах из биологии.

Альфред Маршал (1842-1924), основатель неоклассической экономической теории, подчеркивал важность обоих видений. Но со временем неоклассическая теория забыла о мнении Маршала.

«Экономика, основанная на метафорах из физики (в отличие от биологии), дает иллюзию порядка в мире хаоса, окружающего нас. Но следует учитывать, что этот кажущийся порядок создан за счет ухода от восприятия всей совокупности качественных характеристик экономики», - говорит Э.Рейнерт. Забывая, что физически основанные модели не есть реальность как таковая, но являются чрезвычайно упрощенной моделью действительности, вычлененной из всей совокупности воздействующих факторов, может приводить к значительным ошибкам, поскольку чрезвычайно математизированная модель, крайне абстрагированная от действительности, не учитывает такие факторы, создающие богатство, как несовершенная конкуренция, инновация, синергия между экономическими секторами, экономика масштаба и перспективы (scale and scope) и наличие экономической деятельности, способствующей активизации подобных факторов.

Выбор инструментов в решении проблем играет значительную роль. Как сказал Марк Твен, «Когда все, что ты имеешь - только молоток, все проблемы начинают казаться гвоздями». То, как была «математизирована» экономика, лишь усилило слабости, уже присущие Рикардовой системе - неспособность включить в себя множества оттенков действительности - важных детерминант богатства и бедности. Попытка экономики познать общество только лишь через математический аппарат очень часто способствует утере качественного понимания. Как в данном случае приводит пример Эрик Рейнерт, «При сравнении большой улитки и человека только в составных элементах можно сделать вывод, что они практически сходны». Эпоха Просвещения дала человечеству таксономии - классификационную систему живого мира. Подобных характеристик недостает в экономике.

Еще в 1752 году итальянский экономист Игнасио Радикати предостерегал своих коллег-экономистов: «Вы сделаете с политической экономией то же, что и схоласты с философией. Делая вещи все более и более гибкими и допустимыми, вы не знаете, где остановиться». Экономисты сегодняшнего дня наивно смотрят на математику как на нейтральный инструмент, не считаясь с точкой зрения Твена, что выбор инструментов сильно влияет на твои перспективы. И по этой причине, подчеркивает Э.Рейнерт, недовольство состоянием экономики как науки определенно возрастает. Следующий анализ известного на Западе историка экономики, Марка Блога, наилучшим образом отражает подобное неудовольствие:

«Современная экономика больна. Экономика все больше становится интеллектуальной игрой для игры, не преследуя никаких практических целей. Экономисты постепенно превратили науку в своего рода социальную математику, в которой аналитическая точность в том смысле, как это понимается на математических отделениях, стала всем, а эмпирическая релевантность, как это понимается на физических факультетах, - ничем. Если предмет не может быть подвергнут формальному моделированию, его просто относят к интеллектуальным отбросам».

В экономике, согласно метафоре Кеннета Эрроу, американского экономиста и Нобелевского лауреата, «Хотя и существует две традиции мышления, но одно из направлений всегда подобно подземной реке, выходящей на поверхность каждые несколько десятилетий. Существование двух параллельных традиций дает возможность оппортунизма и введения в заблуждение: высокопарная теория на - экспорт и более прагматичная- для внутреннего пользования».

Если взглянуть в более масштабную картину, то можно обнаружить, что оба типа экономического анализа сменяют друг друга с определенной цикличностью. Некоторые периоды - 1760-е во Франции, 1840-е в Европе и 1990-е практически во всем мире - чрезвычайно абстрактный путь мышления, но достигал абсолютно доминирующего положения. Во всех случаях социальная цена потерь была весьма велика. Эксперимент над СССР после развала можно расценивать в качестве проверки правильности теории, казавшейся со времен рейганомиики и тэтчеризма всемогущей, поскольку причины кризисов можно находить в монетарной сфере. Математизированность и шаблонность дали уход от логики. Но может быть и другое видение - данная теория была «подброшена» специально. И наличие тэтчеризма и рейганомиики, как результат внутривнутриполитической борьбы в США и Великобритании в прошлом, лишь поспособствовало закреплению идеологии свободного рынка в качестве альтернативы для постсоветского пространства.

Примечательно мнение шведского Нобелевского лауреата в экономике (1974) Гуннара Мирдала (1898-1987), критикующего «оппортунистическое невежество», в котором выводы экономической «науки» извращаются с целью достижения политических целей. Так, создание Европейского Общего рынка было обосновано перед избирателями с помощью теории снижающихся издержек относительно масштаба, предполагавшей как следствие улучшение экономического положения (Доклад Сеччини (Cecchini)), в то время как для беднейших использовалась Рикардова логика.

Два типа экономической теории и два типа глобализации

Два типа экономической теории, обсуждаемые нами, порождают два различных видения глобализации. В сущности, два Нобелевских Лауреата по экономике предложили две противоположные друг другу теории о том, что может произойти с мировой экономикой и распределением мировых доходов в условиях глобализации.

В первом типе теории, основывающейся на стандартных заключениях неоклассической экономической теории, Пол Самуэльсон математически «доказывает», что беспрепятственная мировая торговля приведет к «факторно-ценовому выравниванию», что, в сущности, означает, что стоимость факторов производства, труда и капитала будет стремиться к выравниванию по всему

миру.

Во втором типе теории, основывающейся на альтернативной традиции, называемой в широком смысле слова «Другой Канон», шведский экономист Гуннар Мирдал выражает мнение, что мировая торговля ведет к увеличению уже существующего разрыва в доходах между богатыми и бедными государствами.

Экономическая политика Вашингтонского Консенсуса, лежащая в основании экономической политики, проводимой Всемирным Банком и Международным Валютным Фондом, всецело выстроена на той теории, представителем которой является Пол Самуэльсон. Результаты процессов, происшедших в мире в 1990-е, находятся в остром противоречии с идеями Самуэльсона, но подтверждают утверждение Мирдала: богатые нации как группа образуют все более гомогенный клуб богатейших, в то время как бедные все больше сближаются, образуя своего рода клуб беднейших. Причем разрыв между этими двумя группами все более возрастает.

Можно сделать вывод, что теория Пола Самуэльсона способна объяснить процессы, происходящие внутри группы богатейших наций, в то время как теория Гуннара Мирдала способна объяснить процессы, происходящие между богатейшими и беднейшими нациями. Теория Самуэльсона не имеет негативных последствий для государств, уже создавших сравнительные преимущества в экономической деятельности, имеющих экономику масштаба, в то время как чрезвычайно опасна для тех государств, которые еще не прошли обязательную «проходную» в политике сознательной индустриализации.

Тот тип теории, который предлагает Мирдал, на сегодняшний день близок к вымиранию: он существует либо фрагментарно, либо в извращенной форме, привязанной к неоклассической экономике и названной «Новой Институциональной Экономикой». В какой-то мере она возражается в ряде передовых Западных вузов, но в своей первоначальной форме она пока не преподается. Поэтому экономисты в своей совокупности не склонны обнаруживать, что в понимании различий между богатейшими и беднейшими странами теория Мирдала может дать лучший инструментарий, чем теория Самуэльсона.

В теории, основывающейся на бартере и обмене, представленной сегодня неоклассической стандартной теорией, экономика представляет собой машину, создающую экономическую гармонию, как только она отдана сама себе. Поэтому сегодня внимание сконцентрировано на финансовых и монетарных переменных. В этой теории факторы, порождающие экономический рост - новые знания, новые технологии, синергия и инфраструктура - находятся либо вне теории, либо они совсем исчезают в поисках абстрактных «среднестатистических», таких как «репрезентативная фирма». Совершенно иное мы обнаруживаем на производственно-обоснованной теории, в которой финансовые и монетарные переменные становятся подмостками, важными для построения объекта центрального внимания - производственного потенциала нации.

Наша действительность происходит из того, что вышеупомянутые факторы игнорируются стандартной теорией, делающей вывод, что глобализация одинаково выгодна для всех, даже для стран, находящихся еще на уровне познания Каменного Века. Поэтому развитие в таком варианте все больше выглядит как аккумуляция капитала, а не эмуляция и накопление знаний.

Как говорит Йозеф Шумпетер, теория развилась в то, что называется «видением пешехода, что капитал сам по себе вращает двигатель капитализма». По оценке Эрика Рейнерта, «Запад начал полагать, что, посылая капитал в бедные страны с отсутствием предпринимательства, государственной политики и индустриальной системы, он может построить капитализм. Как следствие происходит «пропихивание денег сквозь глотку стран с отсутствием производственной структуры, где бы эти средства могли быть выгодно инвестированы, поскольку им запрещена индустриальная политика. Развивающиеся страны получают займы, которые невозможно выгодно использовать и весь процесс финансирования развития становится сходным с системой домино, когда падение одной составляющей приводит к падению всей системы».

Именно подобная экономическая теория, основанная на априорных заключениях, не имеющих эмпирических оснований и названная Джозефом Шумпетером «Рикардовым пороком», лежала в основе экономического провала Кыргызстана. Мы получили не «Созидающее разрушение» Шумпетера, а разрушающее разложение. В то время как исторически успешная политика зависела от «управления рынком» (Роберт Уэйд) и «формирования неправильных цен» (Джон Кеннет Гэлбрэйт и Элис Амсен), Кыргызстан последовал по пути либерализации рынка и последующей деиндустриализации, обеспечив себе тем самым положение сырьевого придатка и рынка сбыта, обрекши население на нищету, высокую смертность и усиленную эмиграцию.

С подобными же последствиями столкнулись после 1990 года национальные экономические

системы многих стран, потерпев коллапс вследствие шоковой терапии, подобно авиационной компании, мгновенно потерявшей 50 процентов своих пассажиров. Мгновенная потеря объемов как результат шоковой терапии уничтожила деятельность, дающую экономику масштаба и сохранила лишь деятельность с постоянными и возрастающими издержками (традиционно это сфера услуг, производство сырьевых ресурсов и сельское хозяйство).

В качестве классического примера на сегодняшний день можно взять Монголию, где падение производства хлеба к 2000 году составило 71%, выпуск газет упал на 79%. И все это без снижения численности населения. Превышение импорта над экспортом было двукратным. Реальные процентные ставки, с учетом инфляции, составили 35%. Единственный сектор, имевший рост - это производство алкоголя. Все заводы один за другим закрылись. В совокупности падение производства составило 90%. Фактически произошла «примитивизация» экономики, сопоставимая с последствиями осуществления плана Моргентау. При том что до 1991 года был выстроен диверсифицированный промышленный сектор: с 1940 по середину 1980-х доля сельского хозяйства в ВВП снизилась с 60% до 16%. А с 1991 по 1995 год результаты полувека индустриализации были аннулированы. Де-факто план Моргентау по деиндустриализации Монголии оказался чрезвычайно успешным.

Путь интеграции Монголии в глобальную экономику возродил старый экономический механизм: возрастающие издержки относительно масштаба в использовании земельных ресурсов. Комбинация деиндустриализации и деконструкции государства породили масштабную безработицу. Множество людей были вынуждены вернуться к образу жизни предков - номадическому пасторализму или кочевому пастушеству. И если на 2.5 миллиона человек в 1990 году приходился 21 миллион выпасаемых животных, таких как овцы, козы, коровы и верблюды, то за одно десятилетие их поголовье выросло на 12 миллионов и составило 33 миллиона (в связи с потерей работы в промышленности и государственных структурах люди активно переходили в сельское хозяйство; и в 2000 падеж скота составил 2-3 миллиона).

Монголия была одним из «звездных студентов» Всемирного Банка из стран «бывшего Второго Мира», таким же, как и Кыргызстан, беспрекословно следовавшим советам МВФ и Всемирного Банка. Согласно совету МВФ и ВБ, Монголия открыла свои рынки практически мгновенно и следовала всем прочим их рекомендациям по сокращению роли государства в экономике и развитию господства рынка. Предполагалась ее специализация в глобальной экономике на имеющихся сравнительных преимуществах, следствием чего оказался переход от века индустриализма к пастушеству. И кочевая экономика уже не могла вынести той плотности населения, что была при индустриальной системе, что породило сочетание экологической, экономической и гуманитарной катастрофы.

Предостережения же против подобной деволуции можно встретить не только в Библии и у «неканонических» экономистов, но и у предшественников Вашингтонского Консенсуса, Джона Стюарта Милля и Альфреда Маршала, подчеркивавших исключительную важность возрастающих и снижающихся издержек относительно масштаба в понимании экономических механизмов развития цивилизации.

Прогнозы роста для Монголии составляли 3%, 5% и 7% без объяснения источников роста. Дело в том, что существовала одна стандартизированная схема для всех с заменой, при подготовке докладов, например, «Эквадор» на «Монголия», а «Монголия» на «Кыргызстан».

Решения принимались на основании несуществующей действительности. В этом же ряду лежало предложение Джеффри Сакса в *The Economist* заниматься Монголии производством компьютерного обеспечения для экономического развития, в то время как полностью отсутствовала инфраструктура, уровень образования был недостаточен, а электричество за пределами Улан-Батора имелось только у 4% жителей.

Наблюдаемые последствия проистекают из либерализации, открытия собственных рынков для иностранных товаров и капиталов, чрезвычайно быстрой интеграции в мировое экономическое пространство. О негативности подобной поспешности можно прочесть у Фридриха Листа, немецкого экономиста, теоретизировавшего о необходимом времени для тарифного протекционизма и свободной торговли. Последовательность определяется следующим образом:

1. Все нации нуждаются в периоде свободной торговли для изменения структуры потребления и формирования спроса на промышленные товары.
2. Затем следует второй этап, в котором малые страны защищают и выстраивают свою собственную промышленность и синергию.

3. С достижением данной цели Лист предлагает период, в котором происходит экономическая интеграция больших географических территорий. На данной стадии тарифные барьеры, защищавшие тридцать германских государств около 1830-х годов, поотдельности должны были быть расширены до масштабов объединенной Германии.

4. Впоследствии, с основанием конкурентоспособной промышленности во всех странах подходит период всеобщего интереса к глобальной свободной торговле.

Очень важно понять, что Лист был сторонником как протекционизма, так и свободной торговли, что определялось стадией развития каждой нации в отдельности.

Так, согласно Листу, можно сделать вывод, что многие страны современности совершили ошибку, перескакивая со второй стадии на четвертую, интегрируясь в мировое экономическое пространство сразу после стадии протекционизма, пропустив тем самым интеграционные процессы в меньших масштабах, способные повысить конкурентоспособность экономики и подготовить к последующему развитию.

То что было очевидным многие столетия, порою непонятно для современных экономистов: страна с неэффективным промышленным сектором гораздо лучше той, что совсем не имеет промышленности. Ведь чем менее развита страна, тем меньше свободный рынок способствует ее развитию.

Страны, игнорирующие «Рыночный фундаментализм», такие как Китай, Корея, Малайзия и многие другие, продолжают процветать, а страны, поступавшие наперекор идеологии МВФ, были относительно богаты до тех пор, пока они не стали следовать советам МВФ. В этом ряду можно назвать многие страны Азии и Африки, Латинской Америки. В том же списке находятся и Монголия, и Россия, и Кыргызстан, где уровень оплаты труда при малоэффективном производстве под протекционизмом плановой экономики, будь то в промышленности, сфере услуг или сельском хозяйстве, был значительно выше, чем созданный экономикой капитализма.

Именно поэтому, например, Австралия исторически опасалась угрозы специализации на производстве сырья. Если бы Австралия последовала традиционной торговой теории и специализировалась на мировой торговле шерсти-сырца, добыче каменного угля или железной руды, первым следствием было бы перепроизводство и быстрое падение цен на соответствующую продукцию. И во-вторых, при отсутствии альтернативных источников занятости, овцеводство и производство шерсти распространились бы на территориях, не пригодных для этого; добыча полезных ископаемых производилась бы и в малоэффективных месторождениях. Это осознавали австралийские экономисты. И это послужило причиной создания своего производственного сектора в Австралии, несмотря на то что конкуренция с английской или американской промышленностью была бы все равно немислимой. Подобное отношение необходимо при создании стран со средними доходами. Австралийцы аргументировали, что наличие национального производственного сектора способно сформировать альтернативный уровень заработных плат, предотвращающий производителей сырья от использования маргинальных территорий. Уровень заработных плат, обусловленный наличием производственного сектора, будет сигнализировать невыгодность подобного предприятия. Промышленность, по определению предполагающая снижающиеся издержки, также способствует механизации как в сельском хозяйстве, так и в добыче природных ресурсов.

Подобная же логика, основывающаяся на дихотомии между возрастающими в сельском хозяйстве и сырьевых секторах и снижающимися издержками в промышленности, была ключевым доводом и в индустриализации Европы и Америки на протяжении девятнадцатого века. Около 1750 года немецкий экономист Йоганн Гейнрих Готтлоб фон Джусте выражал уверенность, что страны, принужденные к производству сырья поймут «искусственность» их нищеты. Но то что может быть создана теория, способная морально защитить политику колониализма, он предположить не мог.

При рассмотрении процессов экономической интеграции следует учитывать такой эффект, как эффект Ванека-Рейнерта или эффект уничтожения победителя, сущность которого проявляется в следующем: возьмем ситуацию сравнительной автаркии: при открытии свободной торговли между сравнительно передовой и сравнительно отсталой странами наиболее передовая и наукоемкая отрасль промышленности более отсталой страны придет к отмиранию.

Наиболее передовые отрасли экономики подчиняются закону снижающихся издержек относительно масштаба и, следовательно, наиболее чувствительны к падению объемов производства в результате конкуренции из-за рубежа. Этот эффект Ванека-Рейнерта был очевиден в девятнадцатом веке при объединении Италии, а в 1990-х первыми следствиями свободной торговли для Чехии и Бразилии было отмирание компьютерного производства. В отдельных

случаях, как это было в Монголии и в Кыргызстане в 1990-х, страна может практически полностью потерять промышленность.

Если даже исчезновение производства со снижающимися издержками дает жизнь только лишь производству со стабильными издержками, то мы наблюдаем «примитивизацию» национальной производственной системы. Следовательно, это - «разрушительное разрушение» - разрушение, не дающее никакой регенеративной деятельности.

Второй ряд последствий от деиндустриализации - изменение условий торговли. При превышении стоимости экспорта над стоимостью импорта страна становится богаче. Недаром в Европе с начала 1700-х годов распространено правило о двусторонней торговле: экспорт сырья и импорт индустриальных товаров - плохая торговля, экспорт индустриальных товаров и импорт сырья - хорошая торговля. Интересно отметить, что экспорт индустриальных товаров в обмен индустриальных товаров считался хорошей торговлей для обеих сторон. Или, используя терминологию, однажды примененную UNCTAD: симметричная торговля выгодна для всех, асимметричная торговля невыгодна для бедных стран.

История показывает, что деиндустриализация приводит к падению стоимости экспортируемого сырья. Например, в Латинской Америке в 1970-е годы наблюдался пик цен на сырье, производимое там; с падением же промышленности произошло обрушение цен и на сырьевые ресурсы.

Отсюда следует единственное заключение, проистекающее из опыта всех ныне развитых и быстро развивающихся стран: перспективы для Кыргызстана - в воссоздании промышленной базы, развитии синергетических эффектов (или экономики масштаба), с уделением приоритетного внимания инновациям, особенно в высокотехнологичных отраслях. Все это подразумевает повышенную роль государства в экономике, протекционизм по отношению собственного, особенно экспортно-ориентированного производства.

Литература

1. Krugman P, 2007, *The conscience of a liberal*.
2. Krugman P, 2008 *The Return of Depression Economics*.
3. Reinert E, 2008, *How Rich Countries got Rich and Why Poor Countries Stay Poor?*
4. Root H, 1996, *Small Countries, Big Lessons. Governance and the Rise of East Asia*.
5. Stiglitz J, 2003a, *Globalization and its discontents*.
6. Stiglitz J, 2003b, *Roaring nineties*.
7. Stiglitz J, 2007, *Making Globalization Work*.